

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111'27

ББК ШП43.21-51+ШП43.21-006.21

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

А. Б. Алексеев

Москва, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ МОРАЛЬНОЙ ПАНИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается понятие «моральная паника» с точки зрения его применимости для лингвистического анализа дискурса. На примере американского политического дискурса утверждается, что моральная паника может вполне сознательно конструироваться заинтересованными людьми. При этом обязательно есть и объективная сторона паники — событие или некие действия, которые действительно заслуживают порицания. Однако с помощью манипуляций, инвективных и дискредитирующих стратегий и тактик заинтересованные лица (политики, журналисты, рекламодатели и т. п.), как правило, преувеличивают масштабы произошедшего. Цель любой моральной паники — вызвать страх и тревогу в сердцах людей, «поселить» в их жизни неопределенность и нестабильность, заставить их действовать определенным образом. Анализируется американский политический дискурс 2015—2017 гг. (предвыборная кампания и период после нее), позволяющий проследить зарождение, развитие и затухание моральной паники, связанной с фигурой Д. Трампа. В начальный период одновременно поводом и предметом паники послужило эпатажное поведение Д. Трампа, когда «вызывающий разногласия язык» Д. Трампа превращается во время первых дебатов в предмет для дискуссий. Затем поведение Д. Трампа, его высказывания связываются (безосновательно) с происходящими в мире, да и в самой Америке социальными потрясениями, например, терроризмом, ростом расистских настроений и т. п. В 2016 г. выделяется три пика моральной паники, создававшие благодатную почву для манипуляций, инвективных выпадов, «припоминания» старых обид.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: моральная паника; политический дискурс; манипуляция сознанием; манипулятивное воздействие; эмоциональные состояния.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алексеев Александр Борисович, аспирант, кафедра английской филологии, Московский государственный областной ун-т; 105082, Россия, Москва, Переведеновский пер., д.5/7, 4 корп., к. 62; e-mail: neuausstatten@mail.ru.

Понятие моральной паники (moral panic), введенное в научный оборот и широко используемое британским социологом С. Коэном, представляется актуальным при рассмотрении политической коммуникации. Во-первых, общеизвестно, что сфера политики не игнорирует мысли и чувства людей, а на самом деле формирует и обуславливает их. Политический дискурс апеллирует к тому, что важно и значимо для людей, политик старается затронуть нужную струну души своего адресата [Синеокая [http](http://)], как правило, человека массы, или, если хотите, толпы. Поведение толпы имеет свои особенности, ряд из которых может эксплуатироваться общественными деятелями во вполне корыстных целях. Нагнетание негативных эмоций, создание, конструирование чувства неопределенности и страха — одна из многих стратегий, к которым прибегает оратор, стремясь воздействовать на толпу. Чтобы такое воздействие было успешным, выступающему нередко необходимо обращаться к морали, становиться защитником и поборником истинных «ценностей» общества, выступать в роли пуриста.

В современном мире наблюдается «размывание ценностно-нормативных границ морали», а современное состояние общества можно было квалифицировать как «после добродетели» [Ефанов 2016: 3]. Такого рода тенденции проникают и в область языка, что находит свое выражение, например, в проникновении инвективной лексики в речевые регистры, ей исконно несвойственные — художественную литературу, политический

дискурс, рекламу. Вообще, как отмечает профессор В. И. Карасик, во многих ситуациях действует табу на скромно-уважительное поведение. Напротив, проявление любой формы агрессии поощряется или по крайней мере не осуждается. Приведем непосредственно слова ученого: «Табуирование скромно-уважительного поведения выражается в виде запретов на замедленную реакцию, эмоциональный самоконтроль, демонстрацию подчиненности и нежелания идти на конфликт. Нарушение этого табу вызывает насмешливо-агрессивную реакцию. Соблюдение такого запрета предполагает акцентированную маскулинность в поступках, особенно в речевом поведении» [Карасик 2015: 88].

Под термином «моральная паника» условимся подразумевать «преувеличенную, усиленную средствами массовой информации общественную реакцию на изначально относительно малозначимые действия социальной девиации, например, социальные беспорядки, связанные с модистами и роке-рами» [Джери [http](http://)]. Предметом моральной паники, как будет показано в данной статье, может стать и язык, манера политика говорить и вести себя, что в принципе объяснимо, — именно язык исторически служил средством социального контроля и проецирования власти. Язык был средством маркирования символически значимых групп людей (грамотные/неграмотные, вежливые/невежливые, богатые/бедные и т. п.). В современной лингвистической теории признается, что язык и власть — два понятия, перепле-

© Алексеев А. Б., 2017

тающиеся друг с другом (идея, восходящая к философским исканиям М. Фуко), но, например, как замечает Р. Водак, язык лишь наделяется властью со стороны людей, ей обладающей. Сам по себе язык, утверждает исследовательница, власти не имеет [Водак 1997: 19].

Как бы то ни было, любая моральная паника конструируется посредством языка, и в этом смысле она предмет лингвистики. Между тем, по нашим данным, сравнительно ограниченная распространенность самого термина «моральная паника» в русскоязычных работах не позволяет констатировать какую-либо степень лингвистической изученности дискурса моральной паники, хотя, конечно, многие явления, характерные для него (например, эмоциональность, манипулятивность, мифологичность, «раздувание» страха), получали подробное освещение. Новизна подхода к проблеме, принимаемого в данной статье, заключается в том, что мы стремимся описать все перечисленные особенности политического дискурса именно в связи с понятием моральной паники, но при этом, конечно же, нельзя ставить знак равенства между политической коммуникацией и коммуникацией в условиях моральной паники. Во-первых, следует допустить, что моральная паника отнюдь не всегда политически нагружена, а во-вторых, даже излишне говорить, что политика может легко обходиться без какой-либо паники и даже (по крайней мере, хочется надеяться!) негатива. И, тем не менее, политика очень часто представляется неким «полем сражения», конфликтом, и в этом есть своя доля правды. Но если политика — это война, то на войне все средства хороши, и чтобы мобилизовать своих сторонников и одновременно деморализовать противника, лишить его каких-либо веских аргументов, выставить его в свете попражнения значимых традиций, норм, ценностей этаким диким гунном или, лучше, «народным дьяволом», «бесом» (folk devil), угрожающим устоям общества, нужна паника.

Преследуя личные интересы, оратор стремится трансформировать панику именно на область морали, в чем тоже есть свой смысл. Мораль, как показывает Н. В. Кузнецов, «имеет единую духовную природу» [Кузнецов 2010: 90] с культурой, и, несомненно, многие моральные принципы в общественном сознании культурно интегрируются, т. е. «приобщаются» к нормативным формам поведения, принятым в данной культуре, приобретая ярко выраженные национальные коннотации. Нарушить моральные принципы — значит пойти против общества, его правил. Нарушить их — зна-

чит бросить обществу вызов, стать его изгоем, «аутсайдером». Однако, если понимать мораль не в высоком философском смысле (как, например, у И. Канта), если отрицать ее универсальный и общечеловеческий характер, то можно прийти к мысли, что мораль, как и культура, есть конструкт своего времени, определенной исторической эпохи. Действительно, то, что считалось аморальным несколько веков назад (взять хотя бы свободную любовь), более не признается таковым. Можно проследить некоторые изменения в моральных устоях социума и в рамках межпоколенных традиций («отцов и детей»), и, предположительно, даже одного поколения.

Отсюда вытекает потенциальная возможность для политиков, журналистов, рекламодателей и других «играть» на моральных чувствах общества, взывать к ним и одновременно конструировать, что допустимо, а что нет, что подлежит осуждению, а что заслуживает поощрения. Моральная паника возникает, когда на смену рациональному или даже стереотипному мышлению («по шаблону») приходит страх — основной движущий элемент любой паники. Адресат оказывается в ситуации, где привычный для него, как правило, идеализированный мир рушится (по крайней мере, так постулируется заинтересованным лицом — говорящим), где незаконно навязывается нечто новое, неизведанное, но в самом негативном смысле. Новое для паникера — это не источник положительных эмоций, интереса и симпатии. Напротив, это то, чего надо бояться и опасаться. Новое для паникера — всегда разрушительное, дестабилизирующее начало, угрожающее человеку, ставящее его в условия непредсказуемости и сталкивающее его с враждебным явлением, персонализированным в лице «другого», «чужого». Следовательно, по нашему мнению, категория «мы — они» имеет важное значение для дискурса моральной паники, программируя его внутреннюю структуру, представленную образом мыслей и чувств говорящих.

Для более глубокого понимания моральной паники обратимся к модели данного явления, предложенной С. Козном и рассматриваемой в лингвистическом аспекте профессором Т. Мак-Энери. Во-первых, моральная паника конструируется вокруг объекта (т. е. того, о чем паника). Во-вторых, С. Козн вводит уже употребляемое нами понятие 'folk devils' — народных бесов (т. е. того, кого боится общество и одновременно винит в создавшемся положении дел). В-третьих, существуют катализаторы моральной паники (moral entrepreneurs) — заинтересованные группы, использующие СМИ для

разжигания паники. В качестве СМИ могут выступать не только печатные издания, радио, телевидение, но, например, и кафедра проповедника, как это было на раннем периоде становления современного английского языка. В-четвертых, как утверждает С. Коэн, дискуссии, порождаемые моральной паникой, — это всегда «навязчивые, моралистичные и паникерские» дискуссии [цитата по: McEnergy 2009: 5].

Соглашаясь с вышеописанной моделью моральной паники, Т. Мак-Энери пишет: «...анализируя моральную панику, я утверждаю, что в дискурсе моральной паники можно выделить несколько легко опознаваемых ролей, которые присутствуют в данном дискурсе. ...что-то признается оскорбительным, что-то или кто-то обвиняется в причинении этих оскорблений и кто-то обвиняет. Более того, обвинитель часто имеет более предпочтительное решение проблемы и утверждает, что, если не принять решения, наступят негативные последствия» [McEnergy 2009: 5—6].

Исследователь предлагает анализировать дискурс моральной паники в следующих категориях:

- 1) объект, т. е. то, что признается проблематичным;
- 2) «козел отпущения» (scapegoat), т. е. тот, кто виноват в создавшейся проблеме;
- 3) «моральный предприниматель» (moral entrepreneur), т. е. человек или группа людей, ведущие кампанию, направленную на исправление проблемы;
- 4) последствия нерешения проблемы;
- 5) коррективные действия, необходимые для разрешения проблемы;
- 6) желательный исход.

Автором отмечается, что не все категории могут быть освещены в рамках одного или даже нескольких текстов определенного дискурса, но, как правило, они реализуются в рамках дискурса в целом [ibid: 6].

Американские исследователи Э. Гуд и Н. Бен-Иегуда перечисляют следующие особенности моральной паники: чрезмерная озабоченность угрозой и причиной ее возникновения, гипертрофированное неприятие и враждебное отношение к людям, которые якобы являются «виновниками» создавшейся ситуации, настойчивое требование решения проблемы, в том числе посредством принятия чрезвычайных мер. Авторы согласны с утверждением С. Коэна о том, что моральная паника часто вызывается нагнетанием истерии в массмедийном пространстве, и по мере того, как СМИ прекращают истерию, моральная паника быстро сходит на нет [Goode, Ben-Yehuda 1994: 154]. Дру-

гими словами, неоспорима огромная роль СМИ не только в конструировании такого социального феномена, как моральная паника, но также и их роль в ее прекращении. При всем этом, по мнению Р. Рорти, происходит качественное превращение СМИ из посредников, призванных передавать достоверную информацию обществу, в «каналы морального дискурса», которые претендуют на репрезентацию моральных ценностей общества [приводится по: Ефанов 2016: 18—19].

На гипертрофированный характер моральных паник указывает А. А. Сычев. По мнению ученого, страх и беспокойство, вызванные моральной паникой, не соответствуют реальной степени угрозы. В центре дискурса моральной паники часто оказываются события, не имеющие большого значения, но под воздействием СМИ и заинтересованных групп эти события оказываются в центре всеобщего внимания [Сычев 2014].

Для собственно лингвистического рассмотрения дискурса моральной паники интерес представляет изучение тех языковых средств, которые функционируют в нем. С этой целью обратимся к американскому политическому дискурсу 2015—2017 гг. По нашему мнению, в это время (время предвыборной кампании и после нее) четко можно проследить зарождение, развитие и затухание моральной паники, связанной с фигурой Д. Трампа. Причем эти процессы носили нелинейный, отчасти спорадический характер, во многом обуславливаемый новостной повесткой дня, — той информацией, которая подавалась американскому обществу СМИ и политическими деятелями. С другой стороны, необходимо отметить и объективный аспект информирования, субъективно преломляемый через идеологические установки американского избирателя, его чаяния и надежды. Так, очередной всплеск моральной паники был вызван вполне объективным фактом избрания Д. Трампа президентом, и неверно бы было видеть за массовыми протестными движениями, охватившими страну, непосредственное влияние массмедиа или политиков: Х. Клинтон официально признала свое поражение, Б. Обама (искренне) стремился обеспечить мирную передачу власти, и даже представители СМИ, отношения с которыми у новоизбранного президента были, мягко говоря, напряженными, в своем большинстве абсолютно признавали законность победы Д. Трампа. И тем не менее предвыборная кампания, развернувшаяся вокруг поведения и в особенности манеры говорить эпатажного бизнесмена, несомненно, способствовала нагнетанию панических

настроений, высшей точкой которых было осознание, что вопреки всему Д. Трамп будет сорок пятым президентом США.

Зарождение моральной паники вокруг личности Д. Трампа, на наш взгляд, можно отнести к периоду с июня 2015 г. до начала первых праймериз (конечно, это очень условные временные границы). Правда, шансы бизнесмена на победу тогда явно недооценивались. В этом смысле собственно паники возникнуть и не могло — не было предмета для нее, потому что не важно, что бы говорил кандидат на высший пост в стране, он рассматривался всего лишь как один из многих претендентов быть президентом. Более того, политические противники Д. Трампа искренне верили, что своими некорректными высказываниями бизнесмен гарантированно лишил себя каких-либо возможностей «завоевать» Белый дом. Иначе думал и действовал Д. Трамп, избрав то, что можно было охарактеризовать как провокативно-инвективную стратегию, что, конечно же, заслуживает отдельного обсуждения. Здесь мы приведем примеры, которые, с нашей точки зрения, можно квалифицировать как свидетельства зарождающейся моральной паники и одновременно как слова, «подливающие масла в огонь», т. е. непосредственно ведущие к паническим настроениям в американском обществе. Однако подчеркнем, что для паники (равно как и для того, чтобы политики, представители массмедиа «опустились» до уровня инвективных нападок на Д. Трампа — явно для многих не импонирующая стратегия) был необходим объективный фактор: «необъяснимый» политический успех бизнесмена. Эпатажное поведение (главным образом речевое) претендента на высший пост в стране, Д. Трампа, послужило одновременно поводом и предметом паники.

Во время первых республиканских дебатов журналисты задавали много вопросов, которые лично не нравились бизнесмену и которые он воспринимал, что называется, «в штыки». Вот один из них:

KELLY: Mr. Trump, one of the things people love about you is you speak your mind and you don't use a politician's filter. However, that is not without its downsides, in particular, when it comes to women.

You've called women you don't like "fat pigs, dogs, slobs, and disgusting animals."

KELLY: Your Twitter account has several disparaging comments about women's looks. You once told a contestant on Celebrity Apprentice it would be a pretty picture to see her on her knees. Does that sound to you like the

temperament of a man we should elect as president, and how will you answer the charge from Hillary Clinton, who was likely to be the Democratic nominee, that you are part of the war on women? [1st Rep. deb].

Отметим, что в приведенных словах М. Келли еще нет собственно никаких панических ноток; неверно их рассматривать, на наш взгляд, и как предвзятое отношение к кандидату. И все же обрисовывается негативная сторона риторики Д. Трампа, которая, по мнению М. Келли, может использоваться противниками для дискредитации «начинающего» и в то же время на удивление успешного политика. Высказывания бизнесмена о женщинах, таким образом, подвергаются невольной и имплицитной критике, попадают в фокус пристального внимания, как и многое другое, произнесенное им:

WALLACE: Mr. Trump, it has not escaped anybody's notice that you say that the Mexican government, the Mexican government is sending criminals — rapists, drug dealers, across the border. Governor Bush has called those remarks, quote, "extraordinarily ugly." [1st Rep. deb].

«Удивительно безобразные» замечания — вот как характеризует слова Д. Трампа о мексиканцах его оппонент Дж. Буш! Впрочем, снизойти до личных оскорблений в адрес Д. Трампа бывший губернатор Флориды не решился. Показательный пример:

KELLY: Governor Bush, I want to ask you, on the subject of name calling of your fellow candidates, a story appeared today quoting an anonymous GOP donor who said you called Mr. Trump a clown, a buffoon, something else that cannot be repeated on television.

BUSH: None of which is true.

KELLY: Is it true?

BUSH: No. It's not true. But I have said that Mr. Trump's language is divisive [1st Rep. deb].

Нас, однако, в контексте данной работы особенно интересует «обзывание» Д. Трампа «клоуном, шутком и еще некоторыми словами, которые не могут быть повторены на телевидении». Дж. Буш официально отрекается от этих слов, но все-таки кем-то они были произнесены и намеренно «приписаны» авторитетному лицу — в данном случае Дж. Бушу! По нашему мнению, оскорбления и в особенности обвинения в адрес кого-либо человека — важная особенность дискурса моральной паники. С другой стороны, бывший губернатор Флориды, хоть и в мягкой форме, но осуждает «вызывающий разногласия язык» Д. Трампа.

Что обращает внимание? «Вызывающий разногласия язык» (может, лучше сказать «вызывающий язык»?) Д. Трампа превраща-

ется во время первых дебатов в предмет для дискуссий. Это своеобразный метадискурс — дискурс о дискурсе (и одновременно дискурс в дискурсе), выражающий отношение участников коммуникации к различным репликам бизнесмена. В подавляющем большинстве случаев высказывания миллиардера имплицитно (М. Келли) или эксплицитно (Дж. Буш) подвергаются критике, но при этом критика в узких рамках политического дискурса пока еще не является резкой, не носит инвективный характер.

Другое дело, если мы начинаем расширять эти узкие рамки, что в принципе неизбежно, так как политический дискурс нельзя представить себе лишь как слова политиков: в политическую коммуникацию невольно проникают мнения, оценки, высказывания людей из самых различных профессиональных областей. Более того, даже бытовой дискурс может оказывать воздействие на общение политиков: можно предположить, что «клоун, шут и еще некоторые слова, которые не могут быть повторены на телевидении», были перенесены в политическую коммуникацию именно из бытовой сферы. Однако, говоря о моральной панике, мы можем на материале первых республиканских дебатов констатировать лишь предпосылки для ее возникновения. К последним отнесем: формирование субъекта (в нашем случае — Д. Трамп) и объекта (язык) для осуждения, использование эмоционально окрашенных (*extraordinarily ugly*) и инвективно нагруженных характеристик субъекта и объекта, проникновение в дискурс анонимных реплик и «разоблачений», несущих негативный посыл, манипуляцию (в частности, приписывание авторитетному лицу слов, которые он не произносил).

Приведем примеры того, как указанные предпосылки далее разворачивались, реализовывались в дискурсивном пространстве американской политической коммуникации, приближая ее к тому, что можно было квалифицировать термином «моральная паника». Эпизод из вторых республиканских дебатов:

TAPPER: ...Fellow Republican candidate, and Louisiana Governor Bobby Jindal, has suggested that your party's frontrunner, Mr. Donald Trump, would be dangerous as President. He said he wouldn't want, quote, "such a hot head with his finger on the nuclear codes." You, as well, have raised concerns about Mr. Trump's temperament. You've dismissed him as an entertainer. Would you feel comfortable with Donald Trump's finger on the nuclear codes? [2nd Rep. deb].

Обратим внимание на такие нелестные эпитеты, даваемые Д. Трампу его политиче-

скими противниками, как «опасный», «вспыльчивый» (*hot*), и соотносимые непосредственно с угрозой ядерной войны. Иными словами, впервые к тому моменту уже ведущий (!) кандидат на номинацию от Республиканской партии представляет опасность, что, конечно, можно понимать и в переносном смысле, т. е. в смысле осознания по крайней мере некоторыми политиками реальной возможности победы миллиардера. Возникает также вопрос о темпераменте Д. Трампа — втором потенциальном объекте для моральной паники, тесно и неразрывно связанном с языком. Одновременно повышается инвектогенность самой коммуникации: неоднократно «сталкиваются» Дж. Буш и Д. Трамп, более агрессивную позицию к ведущему кандидату партии начинают занимать и другие кандидаты. Впрочем, сам бизнесмен щедро использует оскорбления, навешивает на своих оппонентов ярлыки (*low-energy Bush, little Marco, lyin' Ted*) — одним словом, занимает провокативную позицию, «подливает масла в огонь».

Личность Д. Трампа как потенциального соперника уже не могут игнорировать демократы. Их высказывания нередко звучат панически (алармистский дискурс) — имеется в виду, конечно, не страх перед кандидатом Д. Трампом, а конструирование страха у массовой аудитории. Поведение Д. Трампа, его высказывания связываются (безосновательно) с происходящими в мире, да и в самой Америке социальными потрясениями, например, терроризмом, ростом расистских настроений и т. п.:

CLINTON: Well I think a lot of people are understandably reacting out of fear and anxiety about what they're seeing. First what they saw in Paris, now what they have seen in San Bernardino. And Mr. Trump has a great capacity to use bluster and bigotry to inflame people and to make think there are easy answers to very complex questions [3rd Dem. deb].

В данной реплике Х. Клинтон, на наш взгляд, можно обнаружить элементы манипуляции: оратор постулирует присутствие в жизни простых американцев *страха* и постоянной *тревоги*. Почему? Террористический акт в Париже, массовое убийство в Сан-Бернардино, Д. Трамп, «обладающий необыкновенной способностью использовать громкие угрозы и фанатизм, *воспламенять* людей и заставлять их думать, что есть простые ответы на сложные вопросы». Очевидно, что оратор без каких-либо фактических доказательств проводит путем инсинуации мысль о связи между риторикой Д. Трампа и не только страхом американцев, но и событиями в Париже и Сан-Бернардино! В любом случае

обратим внимание: террористические действия и язык Д. Трампа ставятся в один ряд, по мнению Х. Клинтон, в равной степени определяя растущее беспокойство в обществе. А вот и «аргументированное» объяснение, почему бывшая госсекретарь убеждена в пагубности слов, произносимых Д. Трампом:

...And we also need to make sure that the really discriminatory messages that Trump is sending around the world don't fall on receptive ears. He is becoming ISIS's best recruiter. They are going to people showing videos of Donald Trump insulting Islam and Muslims in order to recruit more radical jihadists. So I want to explain why this is not in America's interest to react with this kind of fear and respond to this sort of bigotry [3rd Dem. deb].

Д. Трамп, согласно Х. Клинтон, лучший вербовщик для Исламского государства (террористическая организация, запрещенная в РФ. — Ред.), ISIS's best recruiter! Исламисты якобы распространяют видео Д. Трампа, оскорбляющего ислам и мусульман, чтобы привлечь на свою сторону радикальных джихадистов. О том, что радикальных джихадистов в принципе вербовать не надо (они уже по определению террористы!), оратор предпочитает не говорить. Неоднократное упоминание имени Д. Трампа в эмоционально заряженном контексте, в ситуации описания реалий терроризма и угроз, которые он представляет для мира и Америки, служит цели оратора — дискредитировать своего потенциального противника, «мобилизовать» аудиторию, позволить ей проникнуться чувством ненависти к подстрекателю и зачинщику беспорядков, дать ей испытать *страх*. При таком понимании приведенные реплики Х. Клинтон можно классифицировать как принадлежащие дискурсу моральной паники (конструкты дискурса) и одновременно как речевые элементы, конструирующие его, определяющие его формальные границы.

Не оставались в стороне и другие демократы, которые, однако, по-своему расставляли акценты. Так, Б. Сандерс, в соответствии со своей политической платформой, подчеркивал, что пока Д. Трамп «разглагольствует», сея ненависть в обществе, «богатые богатеют»: *And somebody like a Trump comes along and says, "I know the answers. The answer is that all of the Mexicans, they're criminals and rapists, we've got to hate the Mexicans. Those are your enemies. We hate all the Muslims, because all of the Muslims are terrorists. We've got to hate the Muslims." Meanwhile, the rich get richer [3rd Dem. deb].*

Здесь также очевидна манипуляция: говорящий вкладывает слова в уста своего

противника, неточно цитирует сказанное им. Напомним, что Д. Трамп о мексиканцах отзывался следующим образом: *When Mexico sends its people, they're not sending their best. They're not sending you. They're not sending you. They're sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with us. They're bringing drugs. They're bringing crime. They're rapists. And some, I assume, are good people.* Даже несмотря на то, что, несомненно, данные слова — провокативно-инвективные, речь не идет о «всех мексиканцах»: некоторые из мексиканцев, — полагает Д. Трамп, — хорошие люди. Б. Сандерс не только искажает этот аспект высказывания бизнесмена, но и делает из сказанного им неправомерные выводы: мы должны ненавидеть мексиканцев. Подобные манипулятивные действия, конечно, способствуют созданию негативного образа политического оппонента, а в нашем случае еще и «добавляют» к моральной панике, четко обозначая «виновного во всех грехах».

Нередко определение «виновного» достигается посредством инвектив:

O'MALLEY: ...The fact of the matter is — and let's say it in our debate, because you'll never hear this from that immigration-bashing carnival barker, Donald Trump, the truth of the matter is... [2nd Dem. deb].

Фраза *immigration-bashing carnival barker* может быть переведена как «оружий на карнавале ненавистник иммигрантов». Этой фразой не только подчеркиваются негативные коннотации дискурса противника, которые несут глаголы «орать», «ненавидеть», но и сама коммуникация сводится к карнавалу, к бессмысленному выкрикиванию чепухи, к бессмысленному выкрикиванию чепухи, к бессмысленному выкрикиванию чепухи, к бессмысленному выкрикиванию чепухи.

Таким образом, по нашему мнению, к концу 2015 г. в американском политическом дискурсе (мы ограничиваем наше исследование политическим дискурсом) достаточно четко прослеживается «алармистский уклон», или, говоря иначе, моральная паника. Следующий, 2016 г., принесший Д. Трампу ряд крупных политических побед, пройдет в США под эгидой массовых социальных волнений, которые, мы предполагаем, хотя бы отчасти были вызваны «работой» паникеров, людей и групп, преследовавших свои (нередко корыстные) интересы. С другой стороны, абсолютно неверным представляется предвзятое, субъективное рассмотрение проблемы. На наш взгляд, — и эту мысль мы уже высказывали в нашей работе — моральная паника имеет под собой также объективные основания: взять хотя бы успех Д. Трампа, тем более «головокружительный» в свете действительно порой

очень спорных заявлений миллиардера по отношению к женщинам, национальным и религиозным меньшинствам, определенным социальным группам. Говоря проще, правомерно поставить вопрос о том, насколько сам субъект моральной паники создает ее своими провокационными и эпатажными действиями. Ответ на данный вопрос, однако, выходит за пределы настоящей работы — отсюда вынужденный редукционизм: мы не подвергаем

(за редким исключением, как, например, в случае с репликой о мексиканцах) критическому анализу высказывания Д. Трампа, служащие предметом паники.

В соответствии с уже изложенным представлением о моральной панике мы можем представить ее в виде изломанного графика с пиками и точками схождения на нет (см. рис.).

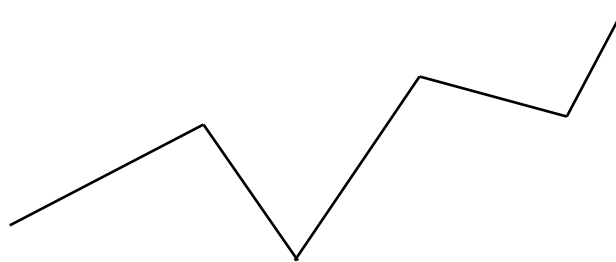

Рис.

При этом при описании дискурса моральной паники особый интерес представляют именно пики, т. е. временные отрезки, когда моральная паника наиболее очевидна. Как нам видится, в 2016 г. обоснованно выделить по крайней мере три такие высшие точки накала страстей. Первый пик — весна 2016 г. с ее серьезными беспорядками, скандалом вокруг менеджера избирательной кампании миллиардера К. Левандовского и грозящим ему судебным разбирательством, относительными неудачами Д. Трампа, вылившимися в поражения в штатах Канзас, Мэн, Айдахо, Вайоминг, Юта и др. Более того, против фигуры Д. Трампа открыто выступили видные республиканцы, в частности бывший номинант Республиканской партии и претендент на пост президента М. Ромни. Все эти события, переплетаясь между собой, создавали благодатную почву для манипуляций, инвективных выпадов, «припоминания» старых обид, а значит и для моральной паники. Приведем лишь некоторые примеры:

TAPPER: Mr. Trump, I want to start with you in this block. Earlier today, a man was arrested and charged with assault after sucker-punching a protester in the face at your rally in Fayetteville, North Carolina. This is hardly the first incident of violence breaking out at one of your rallies. Today, Hillary Clinton, your potential general election opponent, clearly indicated she sees this as an issue for the campaign. She said, quote, "this kind of behavior is repugnant. We set the tone for our campaigns, we should encourage respect, not violence." Do you believe that you've done anything to create a tone where this kind of violence would be encouraged? [11th Rep deb].

Событие, о котором ведет речь журналист — удар кулаком по лицу протестующего на одном из митингов Д. Трампа. Это проявление жестокости дало повод для очередного выпада в сторону миллиардера, (непрямого) обвинения, прозвучавшего из уст Х. Клинтон (и процитированного модератором дебатов), что ее потенциальный противник поощряет отвратительное (repugnant) поведение.

Как бы «между делом» отмечали подстрекающий (incendiary) язык своего основного оппонента и республиканцы:

CRUZ: And I tell you frankly one concern I have with Donald is that although his language is quite incendiary when you look at his substantive policies on Iran, he has said that he would not rip up this Iranian nuclear deal [11th Rep deb].

Однако, конечно, особую «тревогу били» демократы:

TUMULTY: Secretary Clinton, you have known Donald Trump a long time. You have seen what kind of campaign he's running. Secretary Clinton, is Donald Trump a racist?

CLINTON: Karen, I'm going to follow my friend Senator Sanders model here. If I'm so fortunate enough to be the Democratic nominee, there will be a lot of time to talk about him. I was the first one to call him out. I called him out when he was calling Mexicans rapists.

When he was engaging in rhetoric that I found deeply offensive, I said basta, and I am pleased that others ... others are also joining in making clear that his rhetoric, his demagoguery, his trafficking in prejudice and paranoia has no place in our political system. Especially from somebody running for president who couldn't

decide whether or not to disavow the Ku Klux Klan and David Duke. So people can draw their own conclusions about him. I will just end by saying this. You don't make America great by getting rid of everything that made America great... [8th Dem. deb].

Обращает внимание, что в наводящем вопросе журналиста «Дональд Трамп — расист?» уже звучит паника. Х. Клинтон отвечает, что была лично оскорблена словами, якобы (мы говорим «якобы», так как многое сказанное бизнесменом интерпретировалось по понятным причинам отнюдь не беспристрастно) произнесенными Д. Трампом. Бывшая госсекретарь осуждает «его риторику, демагогию, его „торговлю“ предрассудками и паранойю».

Б. Сандерс верил, что «американцы не выберут президентом человека, оскорбляющего мексиканцев, женщин, афроамериканцев...»:

This is what I think. I think that the American people are never going to elect a president who insults Mexicans, who insults Muslims, who insults women, who insults African-Americans. And let us not forget that several years ago, Trump was in the middle of the so-called birther movement, trying to delegitimize the president of the United States of America... [8th Dem. deb].

Второй пик моральной паники пришелся на октябрь 2016 г., после того, как появилась запись одиннадцатилетней давности, где Д. Трамп непристойно выражался о своих связях с женщинами. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что отнесение развернувшихся дискуссий вокруг Д. Трампа к дискурсу моральной паники ни в коем случае не является попыткой умалить значение произнесенных Д. Трампом слов, — несомненно, они заслуживают самого строгого осуждения, и сам претендент на пост президента от республиканцев и его ближайшие сторонники признали это. С другой стороны, возникшая моральная паника привела к самым радикальным заявлениям от самих республиканцев вплоть до призывов к Д. Трампу выйти из президентской гонки. Однозначно, что такие призывы могли диктоваться либо личной неприязнью к кандидату, либо эмоциями, подогреваемыми возникшей паникой, либо тем и другим. Вероятно, эмоции превалировали над рациональностью и строгим политическим расчетом, ведь выживание Д. Трампа из гонки фактически стопроцентно гарантировало победу Х. Клинтон. Видимо, об этом думали лидеры республиканцев, которые, строго осудив слова Д. Трампа, все же не решились отказать ему в поддержке.

Такой видный представитель Партии, как Дж. Маккейн, отказавшийся голосовать за бизнесмена, занял промежуточную позицию между республиканцами, требовавшими, чтобы Д. Трамп выбыл из кандидатов на пост президента, и республиканцами, скрепя сердце решившими поддерживать своего кандидата. Возможно, оскорбления в адрес Дж. Маккейна, высказанные Д. Трампом ранее, также играли определенную роль в принятом Дж. Маккейном решении «не голосовать».

Как бы ни были больны для Д. Трампа слова, произнесенные в его адрес республиканцами, действительный дискурс моральной паники конструировался демократами, а также в массмедийном пространстве. Одной из самых ярких речей, заклеивших Д. Трампа, была речь М. Обамы. Поскольку мы полагаем, что эта речь является типичным проявлением моральной паники, остановимся на ней подробнее. Первая леди США начала свою выступление, с одной стороны, напоминанием о серьезности происшедшего, а с другой, о грубости в уже и так грубой избирательной кампании:

So I wanna get a little serious here because we can all agree that this has been a rough week in already rough election.

Далее «объект» был очерчен более детально, а именно:

...in the election where we have consistently been hearing hurtful, hateful language about women, language that has been painful for so many of us, not just us women but us parents trying to protect our children and raise them to be caring respectful adults and as citizens who think that our nation's leader should meet basic standard of human decency.

Кто повинен в «пагубном языке, полном ненависти»? Уже в следующем предложении М. Обама дает ответ, при этом используются такие эпитеты, как «шокирующий», «приносящий»:

The fact is that in this election we have a candidate for president of the United States who over the course of his lifetime, over the course of this campaign has said things about women that are so shocking, so demeaning.

Эпитет «шокирующий», на наш взгляд, уже является явным проявлением моральной паники, так как свидетельствует об эмоциях оратора, ее душевном волнении. При этом М. Обама подчеркивает личностный характер переживаемого шока:

And I have to tell you I can't stop thinking about this, it has shaken me to my core in a way that I couldn't have predicted. Или I feel it so personally and I'm sure many of you do too particularly the women.

Снова и снова проводится мысль о всей серьезности произошедшего: *This is not something that we can ignore. It's not something we can just sweep under the rug as just another disturbing footnote in a sad election season. Или: ...too many are treating this as just another day's headline, as if our outrage is overblown or unwarranted, as if this is normal, just politics as usual. But New Hampshire, be clear: this is not normal, this is not politics as usual.*

С другой стороны, постоянно делается акцент и на объекте, а именно непристойном языке: *and we're hearing these exact same things every day on a campaign trail, we're drowning in it...* Метафора 'we're drowning' (мы тонем) показывает все обилие неприличного языка. Политический дискурс при этом в какой-то точке соприкасается с педагогическим, а именно, когда М. Обама выражает озабоченность о пагубном воздействии непристойного языка на детей: *...language so obscene that that many of us were worried about our children hearing it when we turned on the TV.*

Третий пик моральной паники будет лишь отмечен нами — для его анализа необходимо было бы обратиться к событиям начала 2017 г., связанным с инаугурацией нового президента и массовыми протестами по этому поводу.

В заключение выразим надежду, что нам удалось убедить читателя в продуктивности для лингвистического исследования дискурса понятия «моральная паника». Через призму данного термина социологических наук возможно рассматривать многие речевые языковые явления — манипуляцию, инвективные стратегии и тактики, убеждение, воздействие на эмоциональное состояние адресата и др. Моральная паника должна изучаться лингвистикой также с точки зрения одного из ее возможных предметов — языка. Нам, например, представляется актуальным описание моральных паник, которые кон-

струировались в исторической проекции и конструируются на этапе современности вокруг того, как собственно «надо говорить и вести себя» в определенном дискурсе, в определенной ситуации. Однако это — вектор будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика : пер. с англ. и нем. / ВГПУ. — Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
2. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-567-moralnaja-panika.htm>.
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М. : Изд-во МГУ, 1997.
4. Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Ефанов Александр Александрович. — Саранск, 2016. 179 с.
5. Карасик В. И. Языковое проявление личности : моногр. — М. : Гнозис, 2015. 384 с.
6. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 194—199.
7. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 53—59.
8. Красовская О. В. О «политической диглоссии» современных информационных войн // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015.
9. Кузнецов Н. В. Культура и мораль: к вопросу о характере взаимосвязи // Вестн. гос. Ленингр. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 4. С. 90—97.
10. Синеокая Н. А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7695> (дата обращения: 14.04.2016).
11. Сычев А. А. Моральная паника как форма существования скандала в современном мире // Скандал : социофилософские очерки / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. — М. : ЦСПиМ, 2014. С. 185—204.
12. Шейгал Е. И. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34.
13. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.
14. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. — Wiley-Blackwell, 1994. 280 p.
15. McEnery T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. — Routledge, 2009. 276 p.

A. B. Alekseev
Moscow, Russia

MORAL PANIC IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. The paper discusses the concept "moral panic" from the point of view of its worth for linguistic analysis of discourse. Based on the American political discourse, it is argued that moral panic may be constructed on purpose by those concerned. There is always an objective element of panic, it is an event or action that should be condemned. Usually all those interested (politicians, journalists, advertisers, etc.) exaggerate the drama using manipulation, invective and discrediting strategies and tactics. The aim of every moral panic is to cause fear and anxiety in the minds of people, to bring instability and bewilderment into their lives and to make them act in a certain way. American political discourse of 2015–2017 is analyzed (electoral campaign and its result), which made it possible to study the origin, development and weakening of moral panic associated with the image of D. Trump. In the beginning of this period the panic was caused by epatage behavior of D. Trump, when Trump's language in his first debates becomes the source of discussion. Then, Trump's statements are connected with the situation in the world and with social cataclysms in America (terrorism, racism, etc.). There are three types of moral panic of 2016: fruitful for manipulation, invectives, "chewing the rag".

KEYWORDS: moral panic; political discourse; manipulation of consciousness; manipulative influence; emotional state.

ABOUT THE AUTHOR: Alexeyev Alexander Borisovich, Post-graduate Student, Department of English Philology, Moscow State Oblast University, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika : per. s angl. i nem. / VGPU. — Volgograd : Peremena, 1997. 139 s.
2. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskij slovar'. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-567-moralnaja-panika.htm>.
3. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M. : Izd-vo MGU, 1997.
4. Efanov A. A. Moral'nye paniki kak faktor sotsial'nykh izmeneniy : dis. ... kand. sotsiol. nauk : 22.00.04 / Efanov Aleksandr Aleksandrovich. — Saransk, 2016. 179 s.
5. Karasik V. I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti : monogr. — M. : Gnozis, 2015. 384 s.
6. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. S. 194—199.
7. Krasovskaya O. V. Informatsionnaya voyna kak kommunikativnyy fenomen // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. S. 53—59.
8. Krasovskaya O. V. O «politicheskoy diglossii» sovremennykh informatsionnykh voyn // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2015.
9. Kuznetsov N. V. Kul'tura i moral': k voprosu o kharaktere vzaimosvyazi // Vestn. gos. Leningr. un-ta im. A. S. Pushkina. 2010. T 2, № 4. S. 90—97.
10. Sineokaya N. A. Kharakteristika politicheskogo diskursa // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7695> (data obrashcheniya: 14.04.2016).
11. Sychev A. A. Moral'naya panika kak forma sushchestvovaniya skandala v sovremennom mire // Skandal : sotsiofilosofskie ocherki / A. V. Dmitriev, A. A. Sychev. — M. : TsSPiM, 2014. S. 185—204.
12. Sheygal E. I. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34.
13. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.
14. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. — Wiley-Blackwell, 1994. 280 p.
15. McEnery T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. — Routledge, 2009. 276 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.